

УДК 316.66

Ценности как важнейшие детерминанты человеческой деятельности

Л.А. Гащенко

Проблема ценностей и ценностных ориентаций в настоящее время является одной из приоритетных в философских, социологических и психолого-педагогических исследованиях. Для преодоления трудностей и решения сложных задач переходного периода, переживаемого нашим обществом, содержание аксиологии нацелено на отражение ценностных аспектов действительности. Именно ценности, согласно социологическим исследованиям, проведенных под руководством Н.И. Лапина, в кризисном обществе выходят на первый план среди всех мотивов деятельности людей [1]. И это не случайно, поскольку они определяют мотивы и поступки субъекта. При помощи ценностей люди вырабатывают свое отношение к предметам и явлениям окружающего мира, выделяя наиболее значимые, существенные. Ценности проявляют себя одновременно как детерминанты и оценка всех действующих сил и обстоятельств в общественной жизни и социальных групп, организаций, объединений.

Следует отметить, что проблема ценностей является предметом теоретического анализа, начиная с античности. Но поскольку аксиологическая проблематика в историческом аспекте достаточно основательно исследована в современной социально-философской литературе, то нет смысла останавливаться на ней подробно. Выделим лишь сложившиеся подходы к решению основного вопроса аксиологии, который, как известно, заключается в следующем: какова природа ценностей? Существуют ли ценности реально, объективно, независимо от человеческого сознания, или являются продуктом последнего, т.е. существуют субъективно.

Согласно материалистическому подходу (его порой обозначают как натуралистический), ценности трактуют как объективное свойство вещи, которое обусловлено ее телесной природой и присуще ей безотносительно к воспринимающему ценность субъекту, независимо от социальной деятельности последнего. Она имманентна самим предметам и рассматривается как чисто природное явление, а не общественно-историческое. Оценка предмета, в конечном счете, практически состоит в познании его естественных свойств. Проще говоря, она (оценка) только отражает свойства предметов и никак не влияет на сами вещи. В итоге, данный подход не позволяет объяснить все многообразие духовного мира человека, поскольку абсолютизируется вещественная сторона мира ценностей.

Другой подход к ценности основан на субъективно-идеалистическом истолковании активно-преобразующей деятельности индивида, которая рассматривается в отрыве от его чувственно-материальной практики.

Сторонники данного подхода исходят из того, что ценности предмета не присущи ему как таковому. Они приносятся в него субъектом, поскольку имманентны самим человеческим чувствам. Так, в частности, основоположник субъективного идеализма Дж. Беркли подчеркивает: «Если допустить, что мир состоит из материи, то красоту и пропорциональность ему придает ум (мiнд)» [2]. На аналогичных позициях стоял шотландский философ Д. Юм. Он полагал, что «сами по себе объекты абсолютно лишены всякой ценности и всякого достоинства. Свою ценность они извлекают только из аффекта» [2].

При такой трактовке ценности ее оценка полностью отрывается от познания объективных свойств предметов, а также от выполняемых общественных функций. У сторонников субъективно-идеалистического понимания ценности человек не выступает в своей социальной сущности, и сам объект не обладает общественными свойствами. Оценка только предписывает определенное отношение к конкретным предметам или конкретным действиям. Субъективный идеализм не может дать ответа на вопрос: что заставляет людей относиться к самой вещи так, а не иначе?

Преодолеть указанную трудность в аксиологии попытались представители объективно-идеалистического направления. Они рассматривают ценности как особый мир, существующий идеально и независимо от сознания отдельного человека. Ценности не приписываются предметам произвольно, но они не проистекают и из самих предметов. Ценности, образующие особую сферу явлений, напоминают мир идей Платона. Рассуждения, например, Н. Гартмана или неокантианцев В. Виндельбанда и его ученика Г. Риккерта, направлены на одно: обосновать сущность всех ценностей вне личности и вне времени (добро, красота, справедливость и т.д.), их нормативный характер (абсолютное действие).

Для аксиологического трансцендентализма ценность – это идеальное бытие, бытие нормы, соотносящееся не с эмпирическим, а с «чистым» сознанием. Будучи идеальными предметами, ценности познаются человеком как некий таинственный, скрытый смысл вещей, как их подлинная сущность, не принадлежащие ни к действительному миру, ни к духовной сфере. Это особое «измерение» универсума, постигаемое путем иррациональной интуицией.

Представление об основном вопросе аксиологии получило определенное развитие в марксистской социологии, трактующей ценности в их двойкой – одновременно и естественной, и социальной – природе.

При разработке теории ценности К. Маркс и Ф. Энгельс не употребляли термин «ценность» в широком значении. Данное обстоятельство послужило поводом к утверждениям, что в марксизме отсутствует теория ценностей. Единственные ценности, которые марксизм признает – это, будто бы, только материальные ценности. Само понятие «ценность», по мнению Л.Н. Столовича, до начала 60-х годов считалось «не нашим», а теория ценности – аксиология даже в лучших справочных изданиях определялась как «совокупность идеалистических учений, направленных против исторического материализма, научной «социологии», как апология «идеологических ценностей» капиталистического мира» [3].

Нет надобности подробно анализировать теорию ценностей марксизма, поскольку она всесторонне исследована в социально-философской литературе. Конспек-

тивно отметим следующее. Марксистская социология показала, что действенным содержанием и главным результатом исторического развития выступает развитие человека как общественно-производящего социального субъекта. «...Общественная история людей, – писал К. Маркс, есть всегда лишь история их (людей) индивидуального развития, сознают ли они это или нет» [4]. Поэтому приписывать вещам или идеям способность к самостоятельному развитию – значит повторять ошибки натурализма и идеализма. Следовательно, марксистская идея единства общественного и индивидуального начал исторического процесса открыла возможность уяснить социальную наполняемость ценностного измерения человеческой деятельности.

Вещи могут изменяться под воздействием естественных причин, разрушаться, физически устаревать, однако они не могут по собственному желанию обретать новую ценностную предметность. По ценностям мы судим не о вещах самих по себе, а о создавшем их человеке, как он раскрывается в результатах своей интегративной деятельности. Вся общественная история обнаруживает себя в ценностях со стороны развития самого субъекта, то есть с человеческой, личностной стороны.

К сожалению, хотя в обширной аксиологической советской и постсоветской научной литературе не было недостатка исследований по ценностной проблематике, до сих пор отсутствует четкое представление о категории «ценности». Оно используется авторами в совершенно разных, взаимоисключающих и несопоставимых смыслах.

Так, в социальной философии применяют термин «ценность» для «указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. По существу все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве «предметных ценностей» как объектов ценностного отношения, т.е. оцениваться в плане добра и зла, истины и не истины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д.» [5].

Другие авторы под ценностью понимают «именно то, на основании чего любому элементу культуры приписывается определенное социальное значение, но что, в свою очередь, обладает значением безотносительно к какому бы то ни было иному основанию, кроме имманентных законов самой духовной деятельности» [6]. Словом, ценность является результатом смыслополагания, с ее помощью определяются предельные смысловые ориентиры жизнедеятельности.

В социологии под ценностями понимаются такие результаты или продукты разнообразной деятельности людей, которые удовлетворяют определенным материальным или духовным потребностям людей различных социальных групп.

Очевидно, что существует насущная потребность в комплексном изучении аксиологической проблематики, которая не случайно является предметом внимания не только философии, но также психологии, социальной психологии, социологии, педагогики, прогностики, теории управления и др. В последнее время в гуманитарных науках делаются конкретные шаги по формированию междисциплинарного подхода к ценностям, основная проблема которого заключается в выработке общего, единичного определения и контекста употребления данного понятия для интеграции различных точек зрения в единую научно-обоснованную теорию ценностей. Так, российский ученый

Н.С. Розов полагает, что на смену классической философской теории ценностей как учение о вечной, неизменной, независимой от человека иерархии ценностей (Б. Кроче, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Шелер, Н. Гартман и др.) приходит конструктивная аксиология, основные черты которой – историзм и понимание необходимости постоянного обновления ценностей в ходе развития человеческой цивилизации – были осознаны в полной мере совсем недавно.

Несомненно, что среди классиков социологической науки, внесших весомый вклад в методологические основы теории ценностей, на одном из первых мест стоит Э. Дюркгейм. В своих работах, особенно в такой, как «Ценностные и «реальные» суждения» [7], он обосновал социальную сущность ценностей, их генезис. По его мнению, вещи обладают ценностью, независимо от ее субъективного восприятия. Следовательно, ценностное отношение в форме суждения проявляется к тому, что реально в своем бытии. Истинные ценностные представления, свободные от индивидуальных инверсий и привнесений, это представления коллективные. Хотя здесь сказался социоцентризм данного мыслителя, однако, если полагать, что в любом коллективном образовании отдельное, индивидуальное не становится беднее, не растворяется, а обогащается за счет общего, то Э. Дюркгейм был бы намного ближе к истине, чем на самом деле.

В своем генезисе социальное содержание ценности, – отмечает Э. Дюркгейм, проистекает из устремлений людей к наиболее совершенным формам социальной жизни и деятельности – идеалам.

В другой работе: «Самоубийство: Социологический этюд» Э. Дюркгейм обосновал целую систему методологических положений, касающихся проблем национально-патриотического сознания [8]. Это особенно ценно, поскольку в социологии, даже в наши дни редко встречаются размышления по поводу патриотической социализации как стихийной, так и сознательной. «Вкус ребенка формируется, приходя в соприкосновение с памятниками национального вкуса, заветами предыдущих поколений» [8]. Будучи весьма сдержанным при характеристике роли психологии, аффектов социальной жизни, Э. Дюркгейм, тем не менее, делал в этом отношении интересные признания: «В основании всех социальных норм заложены деятельные и живые чувства...» [8]. Поскольку ценностно-патриотические представления многими своими элементами (чувства святости Родины, долга перед нею и др.) также входят в социальные нормы, то упомянутое высказывание относится и к патриотическим ценностям. Кстати, оспаривая утверждение Э. Дюркгейма об абсолютном преобладании общественного сознания над индивидуальным, В.И. Добренков и А.И. Кравченко в первом томе своей «Фундаментальной социологии» приводят простой, но весьма убедительный аргумент о «щемящем чувстве родства» с Родиной не только у эмигрантов, но даже у детей, родившихся на чужбине [9].

Определенный методологический потенциал несут и те положения, где Э. Дюркгейм прослеживает причинно-следственную связь между анемическим, кризисным состоянием общества и ослаблением ценностных регуляторов социальной жизни и деятельности. Причем, он показывает это на примере взаимоотношения высших, властно-политических структур и административных образований, территориальных общностей, которые могли бы быть, но не стали стимуляторами патриотической, а в более общем плане – социальной

активности людей. Вот эти рассуждения: «Не ослабляя уз, которые привязывают каждую часть общества к государству, надо создавать моральные власти, которые оказывали бы на толпу индивидуумов влияние, которого государство не имеет. Но в настоящее время ни коммуна, ни департамент не имеют в наших глазах достаточного авторитета... Местных отечеств больше нет...» [9].

Пожалуй, нет особой нужды утверждать актуальность приведенных наблюдений классика для осмысления проблемы бывших советских и нынешних, постсоветских республик – она очевидна. Ранее нашим «адресом» был ни дом, ни улица, ни республика, а Советский Союз. Теперь же – СНГ еще более аморфное этно-нейтральное образование, не вызывающее патриотических ассоциаций. Думается, что и «родная деревня», олицетворяемая сельсоветом, «родной край», олицетворяемый райисполкомом, райсоветом депутатов и т.д., судя по возрастающему потоку жалоб и просьб к центральным властям, своей заформализованностью, ослабленными коммуникациями материального и культурного порядка с местными территориальными образованиями вряд ли способствуют адекватной национально-этнической идентификации жителей соответствующего региона.

Нисколько не уменьшилось для нашего времени методологическое значение также творчества другого классика Т. Парсонса в области ценностной проблематики. В его интерпретации ценности выступают мощным фактором интеграции всей социальной системы. Так, обязательность членов общества в отношении свободы и ответственности собственной, и других людей «служит проявлением в действии приверженности ценностям и, следовательно, главной точкой сочленения социальной общности с нормативным аспектом культурной системы» [10]. Из дальнейших рассуждений автора вытекает, что ценности по их регулятивной функции стоят во главе всей нормативной системы. «Сочленение системы норм и экспектаций с «регулирующими» их ценностями может быть названо легитимизацией нормативной системы» [10]. О доминирующей роли ценностей в жизни общества и личности свидетельствует следующее высказывание классика: «самый важный структурный компонент социальной системы, называемый нами институционализированными ценностями...» [11].

В отличие от реализма, сторонниками которого были Э. Дюркгейм и Т. Парсонс, основной методологический интерес во взглядах на ценностные аспекты социологии М. Вебера состоит, пожалуй, в том, что он принадлежал к номиналистам. Возражая интерпретаторам наследия М. Вебера, считающих его субъективистом, мы находим такую трактовку не совсем корректной. Видимо, более справедливо рассматривать его взгляды, как признание доминирующей роли не столько субъективного, сколько субъектного, то есть индивидуально-личностного начала в жизни общества. Сюда же можно отнести и его позицию о значении духовности в становлении и функционировании социальной организации.

Представляется, что в веберовской концепции ценностей в основном выдержан различный баланс объективного и субъективного. В ней ценность предстает как детерминированный характером эпохи главный способ социального выбора и социальных действий. Вместе с тем социальные ценности являются таковыми не только потому, что исходят от нормативной системы социума, но и от общепризнанных желаний, мнений индивидов по поводу общественного устройства и образцов поведения в нем.

Как и в своей «понимающей социологии», так и в «протестантской этике» М. Вебер придавал большое значение духовным ценностям в становлении и функционировании социальной системы. Он, в частности, указывает, что такие ценности, культивируемые протестантизмом, как скромность, прилежание, честность, пунктуальность, трудолюбие и другие способствовали зарождению и развитию капитализма. Причем, это ценности не утилитарного порядка, а возвышенные устремления. Например: «Труд как самоцель, как призвание» [12]. Если эту веберовскую мысль истолковать в аспекте рассматриваемой нами темы, то труд как утилитарно-инструментальная потребность, как средство поддержания жизни в принципе не может вывести ни социум, ни его субъекта на уровень нового качества. Этому может способствовать лишь созидательная деятельность личности, одухотворенная энергией, волей, целью высшего порядка – терминальной ценностью (труд как потребность). Именно к таким побудительным силам относится патриотизм. Акцент созидательных усилий здесь перемещается с узко индивидуальных интересов на общественные, рутинного – на творческое, с повседневного – на перспективное.

Почти все без исключения авторы, исследовавшие категорию ценности, в качестве основного ее признака отмечают ее нормообразующий характер в сфере социальных, политических, правовых, моральных, социокультурных факторов. «Они – т.е. ценности, отмечал, в частности, Н. Смелзер, – обосновывают нормы или ожидания и стандарты, реализующиеся в ходе взаимодействия между людьми» [13]. П. Сорокин вообще считал ценности решающим фактором социального регулирования всех частей цивилизационного процесса в целом. «Если ни религиозные, ни этнические, ни юридические ценности не контролируют наше поведение, то тогда что же остается? Ничего, кроме грубой силы и обмана» [14] и социальных ценностей, продолжая изучать их в столь же глубоком теоретико-методологическом ключе, как и упомянутые здесь классики, акцентируют внимание на «веберовском направлении» — возрастании субъектно-личностного начала ценностного воздействия на социальную реальность; анализируются также проблемы сохранения национально-культурной идентичности в обстановке глобализации социальных систем, возросшей опасности ментальным, антропологическим ценностям, вмешательства в генетический строй индивида и т.д. Динамизация социальной жизни в современную эпоху, в частности, по мнению Т. Лукмана, ни в коей мере не должна ослабить влияние на социальный облик и действия людей отобранных веками человеческой истории ценностей морали, культуры. Он подчеркивает непреходящее значение «глубинных слоев опыта и действия в человеческом существовании. Они полагаются в конструкции протоморали как само собой разумеющиеся, но только один элемент среди них играет особую роль. Это – ценности ... История бывших ранее выборов, так или иначе, направляет актуальность решений и выбор будущего хода событий» [15]. Важность подобных наблюдений о закономерной преемственности в социальном развитии очевидна для нашей и других постсоветских стран. Ведь многие, особенно молодые люди, здесь вместе с правомерным отрицанием негативных явлений в советский период, готовы умалить и позитивное героическое наследие того времени. Так, если отбросить некоторые идеологические фетиши (например, «в бой за Сталина» и другие), то подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне в любую эпоху существования белорусского государства будет ярким и идеальным образцом патриотического служения Родине.

Своей гуманистической направленностью отличаются идеи другого немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. В его теории коммуникативного действия выделяется критическое отношение к идеологическим искажениям системы коммуникаций членов социума. Вместе с тем он уточняет: «Мой интерес к культурному развитию, религии, правовому и моральному сознанию, к культурным изменениям ценностных ориентации – это не только негативный интерес» [16]. В этой и других работах он раскрывает познавательную сторону своего интереса к социально-ценностной проблематике. «Ценностно-ориентированное взвешивание целей и целерациональное осмысление имеющихся средств служат принятию разумного решения относительно того, как нам следует воздействовать на объективный мир, чтобы вызвать к жизни то или иное желательное для нас его состояние» [16].

В отличие от модного ныне постмодернистского высокомерия к классическому периоду развития науки, культуры, искусства ученых с одобрением отзывается о их «инновационных регистрах ценности самоосуществления» индивида [18]. Ю. Хабермас решительно выступает за сохранение и развитие био-психо-социо-этической идентичности людей перед опасностью генетического вмешательства с целью переделки их природы, сущности. Он вопрошает у своих современников: «Сможем ли мы рассматривать генетическую самотрансформацию вида как путь к росту автономии отдельного человека – или мы подорвем на этом пути нормативное самопонимание личностей, ведущих свою собственную жизнь и оказывающих друг другу равное уважение?» [17].

Действительно, трудно сказать, не приведет ли нарушение естественно-эволюционного пути формирования индивида к таким изменениям в их социальной и духовной структуре, когда вслед за деформацией определяемых ими био-психологических свойств, что-то похожее произойдет и со свойствами социальными? Так, общеизвестно, что чувство Родины органически берет начало из архитипического чувства привязанности, благоговения к породившей человека матери. Разве оно может отложиться в глубинах ментальной памяти клонированной особи, поскольку такая память у последней попросту будет отсутствовать.

Короче, не угрожает ли генотипическое манипулирование превратить человека – высшую ценность – в киборга?

Обращаясь к российским и белорусским социологам, которые занимаются ценностной тематикой, выделим два аспекта, наиболее актуальных для методологического осмысления, рассматриваемой в нашей работе проблемы. Мы имеем в виду изучение системы ценностей, их изменение, классификации в период социальных трансформаций и ее особенностей у молодежной социальной общности, специфической разновидностью которой выступает студенчество. Первое направление, на наш взгляд, наиболее продуктивно представлено в работах Н.И. Лапина, И.А. Суриной, Н.С. Розова, Л.Г. Титаренко и др. Как это ни парадоксально, однако, в условиях кризиса социальная anomия, патология, элиминируя доминирующую в прошлом систему идеалов, ценностей, в то же время позволяет социологу заявить, что в этой ситуации «особенно велика роль ценностей: они становятся сильными мотиваторами поведения индивидов и широких масс, влекущими систему к тому или иному будущему» [1].

На наш взгляд, этот парадокс можно объяснить следующим образом. В социальное небытие уходят или, по крайней мере, значительно ослабляют свое мотивационно-регулирующее воздействие на людей те ценности, следование которым поставило общество на грань социальной катастрофы. В советский период такими терминальными ценностями были утопические идеи коммунизма, вождизма, партийно-государственного патернализма, конформизма, уравнительности и т.д.

Поэтому не случайно в результате эмпирического исследования в масштабе общероссийской выборки (около 1000 респондентов) на первое место среди семи терминальных ценностей вышла альтернативная всем бывшим ценностям – свобода как высшая универсальная ценность. В середине 90-х гг. Российское общество, по мнению автора, находилось во второй половине своего движения к современной системе ценностей.

Прослеживая характер динамики социальных ценностей переходного общества, подчеркнем, что применительно, в частности, к белорусской молодежи эта динамика происходит в том же русле. Так, белорусские социологи в результате эмпирических исследований обнаружили следующие тенденции в ценностном восприятии социальных реалий молодым поколениям Республики Беларусь: «Резкое снижение уважения молодежи ко всяким авторитетам, возрастание ценностей свободы, самостоятельности, самовыражения...» [19].

Очевидно, здесь как и в России, на первое место в ценностных предназначениях выходят социальные приоритеты, альтернативные тем, которые господствовали в прошлом.

В социологической науке имеются и такие подходы к пониманию ценностей, которые слишком широко трактуют данный феномен. Так, охарактеризовав основные составляющие социальных систем – «социальные действия, социальные отношения, социальные личности и социальные группы», Ф. Зпанецкий приходит к следующему обобщению: «Какие бы иные ценности не входили в состав социальных систем, они обусловлены отношением к этим фундаментальным, или первичным (подчеркнуто мною – Л.Г.) социальным ценностям и рассматриваются как отдельные свойства, формы поведения, отношения тех, которые являются главным объектом активного интереса, и потому носят характер вторичных общественных ценностей (подчеркнуто автором – Л.Г.) [20].

В принципе разделяя дифференциацию Ф. Зпанецким ценностей на первичные и вторичные, мы также отмечаем правомерность трактовки этой категории как универсальной, интегрирующей многие основополагающие понятия социологической науки.

Рассмотрение различных подходов к пониманию сущности ценности дает возможность сформулировать ее определение. Ценность как структурообразующая категория, интегрирующая блага, нормы, идеалы, потребности, установки – это положительное или отрицательное отношение субъекта ко всем явлениям социальной реальности [21].

Ценности – это социокультурная значимая матрица, посредством которой субъект оценивает свое бытие, свои побудители социальной активности: потребности, интересы, цели и идеалы. Ценностная матрица, доминирующая в социальной и духовной структуре личности, является главным элементом социокультурных приоритетов, которые реализуются в основных целях и принципах поведения. Она выступает в качестве гносеологически значимого инструментария, позволяющего обнаружить возникающие

разночтения в определении ценностных категорий и необходимость разработок новых в соответствии с изменяющимися реалиями.

Отражая объективную реальность, субъект не только познает окружающий его мир, но и оценивает последний с определенных позиций, через призму тех или иных потребностей, интересов, целей и идеалов; не только выявляет естественное, не зависящее от него бытие предметов, но и устанавливает значение их бытия для себя в своей повседневной жизнедеятельности.

Отсюда логично возникает несколько взаимосвязанных вопросов: Что такое оценка? Какие отношения существуют между оценкой и объективной реальностью? Что является содержанием оценочного отражения?

В основном, большинство исследователей, занимающихся аксиологической проблематикой, указывают на существование определенных связей между оценкой и действительностью, фиксируют свое внимание на том, что оценка выступает как способ реализации ценности, которая до оценки и вне оценки существует только как объективная возможность. Так, Т. Лукман считает, что «критерии оценки делают возможным ценностные решения...» [22]. Оценка – это осмысление индивидом того, чем выступает для него тот иной объект. Она является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего человека мира для его жизнедеятельности. В свою очередь, понятие «значимость» может быть определено, как выражение особой функции предметов объективной реальности служить потребностям, интересам, целям и идеалам человека. Таким образом, оценочные суждения дают информацию о тех или иных отношениях субъекта к объективно существующим вещам. Оценка – это суждение об определенных сторонах ценностной предметности, в основе которого лежит выбор определенного «оценочного эквивалента, или нормы» [23].

В процессе социализации субъект не только интериоризирует ценности, но и интернализирует их, то есть превращает в элементы своего духовного мира, создает адекватные или искаженные представления о них. Под влиянием ценностных представлений протекает вся деятельность индивида во всех сферах социальной жизни с учетом тех оценок и ценностей, которые присущи социальной общности и, к которой он принадлежит.

Так как аксиологическая проблематика в широком смысле слова непосредственно не является объектом нашего анализа, то нет смысла останавливаться на ней подробно. Тем более, что в указанной выше в философско-социологической литературе вопросы типологии, систематизации и классификации ценностей изложены достаточно всесторонне.

В целом, мы ограничиваемся лишь традиционно общей классификацией ценностей, которые, как правило, подразделяют на материальные, социальные и духовные. К материальным ценностям обычно относят материальное благосостояние, здоровье и т.д.; к социальным – социальное уважение, социальное достижение социального статуса, социальную активность и др.; к духовным – познавательные, эстетические, гуманистические, ценность любви, культурные явления и т.п. [24]. Духовные ценности являются кульминационным пунктом развития человека. Они как бы венчают его многочисленные ценности.

Следует отметить, что в последнее время в философии, социологии, психологии, педагогике, этике, эстетике, макросоциологии и т.п. усилился интерес к проблеме личности, формированию ее сознания и к одной из значимых ее характеристик – ценностным ориентациям, которые используются для объяснения движущих сил поведения, деятельности субъекта. Это отражено, прежде всего, в многозначности трактовок основных объяснительных конструктов в аксиологии. Описание ценностной феноменологии отличается большим разнообразием, многозначительностью, понятийной пестротой, отчего не удается прийти к достаточно непротиворечивым и целостным представлениям о структуре и функциях ценностных ориентаций.

Так, философы под ценностными ориентациями понимают наиболее гибкую, предполагающую свободный выбор, всесторонний учет индивидуальных интересов и потребностей человека, связь между личностью и обществом, его институтами (культурой, ценностями и т.п.). Их выделяют в качестве одного из важнейших элементов духовной структуры личности, поскольку они в концентрированной форме выражают ее субъективные отношения к объективным условиям ее бытия, определяющие направленность ее социального поведения.

Психологи же ценностные ориентации трактуют как сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы отношений личности и определяющий общий подход человека к миру, к себе, который придает смысл и личностным позициям, поведению, поступкам.

Разновидностью психологического понимания ценностных ориентаций является их социально-психологическая трактовка, под которыми подразумевается избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, выраженная в поведении [25].

Социологи ценностные ориентации рассматривают как относительно устойчивое, социально обусловленное, избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ и идеалов, понимаемые как предметы целей или средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности. Более того, их зачастую трактуют как «формы допустимого в данном обществе выражения базовых потребностей» [26].

Белорусский социолог А.П. Вардомацкий важной спецификой ценностных ориентаций считает их многостороннее воздействие на социальные общности и их субъектов. «Социология изучает ценностные ориентации достаточно больших групп людей; влияние на ценностные ориентации личности ее половозрастных, национально-культурных, профессиональных характеристик, уровень зарплаты, квалификации, социального статуса и других разнообразных факторов...» [27].

Как весьма продуктивным можно оценить подход А.Г. Здравомыслова к пониманию ценностных ориентаций: 1) это своеобразность сознания и поведения личности; 2) они пронизывают прежде всего содержание высших «этажей» духовного мира: политические, мировоззренческие, нравственные убеждения; 3) если ценности обращают внимание индивида на высшие: установления, нормы, обычаи, то ценностные ориентации – внутренний компонент сознания и поведения субъекта; 4) ценностные ориента-

ции обуславливают такие важные социальные качества человека, как устойчивость, целостность, надежность, верность принципам, решимость, упорство в достижении цели и др. [28].

Не вдаваясь в подробный анализ обозначенных точек зрения в определении понятия «ценностные ориентации», отметим лишь то, что каждый из выделенных подходов исследует какой-то конкретный содержательный аспект.

Таким образом в научной литературе фиксируется:

– прямая связь аксиологической проблематики личности с ее системой духовных ценностей, с социальной структурой общества в целом;

– устойчивость ценностных ориентаций как такого элемента духовных ценностей субъекта, который имеет интегративный характер, и это необходимо осознавать для того, чтобы понимать место каждого подхода в русле исследования аксиологической проблематики;

– устойчивость ценностных ориентаций как отношение индивида к объектам, вовлеченных в сферу человеческой жизнедеятельности, и которые могут служить удовлетворению (непосредственно или опосредованно) его потребностей, учитывая и саму потребность в развитии личности, и средства ее удовлетворения, в рамках материальной и духовной культуры.

Анализ литературы и выделение существенных признаков изучаемого в советских и постсоветских концепциях позволяет предположить следующую содержательную интерпретацию ценностных ориентаций, которая может быть определяющей и которая будет использоваться в данной работе. Под ценностными ориентациями мы понимаем значимое, относительно устойчивое, избирательное и предпочтительное отношение субъекта к совокупности материальных и духовных благ, своим потребностям, интересам, целям и идеалам. Они служат источником мотивации действий и планирования поступков, а также своеобразными замерными «контрольными эталонами» при их практическом осуществлении [29].

Поскольку потребности традиционно рассматриваются в качестве инвариантных ценностно-мотивационных образований, то на них следует остановиться более подробно. Ценность, как указывалось выше, есть результат оценки и выражения определенной ориентации, она является своего рода объективацией важнейших побудительных сил личности – потребностей. Суть последних на уровне философско-социологического анализа можно определить как объективное состояние субъекта, фиксирующее внутреннее противоречие между существующим актуально и потенциально необходимым, что побуждает его к деятельности по устранению данного противоречия. Потребность характеризует такое состояние напряженности, эмоциональной неуравновешенности, которое препятствует проявлению сущностных сил человека. Проходя через сознание субъекта, потребность отражает объективные условия жизни людей в форме идеального образа и выражает стремление к устранению зависимости личности от внешнего мира путем его преобразования.

Потребности не возникают произвольно по желанию субъекта, а детерминируются как природной, так и социальной средой. Так, в частности, Э. Дюркгейм при всем его предпочтении социальных детерминант свойств и поведения людей, признавал

также важное значение природных основ человеческого бытия. «Все, что есть существенного в браке, или семье, или в религии, заключается в тех индивидуальных потребностях, которым предназначены служить эти инстинкты, а именно: отцовская и сыновья любовь, половое влечение, то, что называется религиозным инстинктом и т.д.» [8]. Если же говорить о социальной сущности потребностей, то они определяются, прежде всего, материальным производством, являются формой его движения и развития. Потребности – это специфическая сфера, через которую вся человеческая культура проникает в сознание индивида, определяет характер отношений его с окружающим миром. Именно условия жизни заставляют действовать субъектов в определенном направлении, благодаря чему у них формируются соответствующие потребности и интересы.

Структура потребностей достаточно многомерна. Так, наряду с онтологическим, биологическим, социальным, психологическим аспектом Л.А. Гуцаленко включает в нее и аксиологический аспект. По мнению автора, этот «аспект вводит нас в многообразный круг политических, мировоззренческих, нравственных и эстетических оценок того, что так или иначе связано с потребностями и их удовлетворением» [30].

Вместе с тем, потребности порой отождествляются с ценностными ориентациями или понимаются в качестве однопорядковых. Поскольку развернутый анализ соотношений данных категорий представлен в работе российского ученого Д.А. Леонтьева [31], то мы отметим лишь следующее: природа «ценностных категорий», трактуемая подобным образом, оказывается заключена не в них самих, а в потребностях и интересах, являющихся источником конкретных «предметных ценностей». Отсюда, в таком случае, понятие «ценностные ориентации» не содержит ничего нового по сравнению с категориями «потребность» и «интерес», лишь раскрывая функционирование последних.

Категорию «ценностные ориентации» нельзя непосредственно выводить из потребностей и интересов. Это особая реальность, своего рода «духовная матрица», детерминирующая потребностно-мотивационную структуру личности, задающая определенный ракурс видения будущих результатов ее поведения и деятельности в социальной среде.

Потребности в чистом виде, ничем не связанные с оценочным сознанием, просто не существуют. Ведь ценность как полезность является объектом потребности. Поэтому высшие ценности обладают большим количеством потребностей. Объект потребности представляет собой потенциально фиксированную в своем содержании конкретную побудительную силу: без потребности ценности не обладают никаким практическим значением. Таким образом, ценности должны быть потребностно востребованы. Слов нет, ценности имеют куда большую устойчивость, определенность, чем потребности, которые могут изменяться в весьма широких параметрах, в то время как потребности ситуативны, что и наделяет первые более надежной прогностической нагрузкой в познавательном процессе объективной реальности и в их практическом освоении действительности.

При этом осознаются и оцениваются как потребности личности, так и ее интересы, цели и идеалы. Иными словами, оценочный аспект присутствует во всех элементах потребностно-мотивационной структуры субъекта, который, в свою очередь, и позволяет им выполнять функцию ценностных ориентации.

Потребностно-востребованные ценности находят свое дальнейшее выражение в интересе. Интерес и потребность – это весьма близкие понятия, между которыми существует теснейшая связь; не существует интереса без потребности, а потребность вызывает интерес.

Ценности и ценностные ориентации, как и потребности, нельзя выводить за пределы интереса, иначе они потеряют всякую практическую дееспособность. Ценностно-рациональное поведение все же является более организованным и стабильным, чем собственно прагматическое поведение. Ценности – должны быть интересными. Они – суть условия, с которыми должны считаться потребности и интересы как таковые, предпосылки их сохранения и возрастания.

Высшей формой проявления цели, особым ее типом является идеал как мысленный образ, в котором через призму интересов субъекта тенденции развития какого-либо объекта выражаются в форме его совершенного состояния [32]. Идеал, как представление, о совершенном и желаемом, выражает такие объективные тенденции, в которых зреют будущие черты человеческого общества. В нем моделируется желаемое общественное устройство, нравственное поведение человека.

Идеалы не могут быть выбраны произвольно. Они всегда соотносимы с ценностями и ценностными ориентациями, с представлением о должном и благе. Идеалы должны быть значимыми для общества. Они, в каком бы отношении не находились к действительности, являются формой отражения объективной реальности, выступая как некоторый ее аналог. Конкретный уровень развития общественно-исторической практики определяет необходимость функционирования того или иного типа идеалов в процессе духовно-практического освоения действительности, независимо о того, воспроизводят ли они ее реальные закономерности.

Духовные ценности как высшая форма проявления идеалов, на наш взгляд, тем и отличается от знания, что включая в свое содержание знания, находящиеся в специфическом, в том числе и непознавательном, отношении к объекту, выступают тем самым как синкретическая форма рефлексии, содержание которой определяется не только категориями «истина» и «заблуждение», но и категориями «добро» и «зло», «прекрасное» и «безобразное» и т.д. Сфера функционирования духовных ценностей выходит поэтому далеко за пределы чисто познавательного процесса, хотя и неотделима от него. Они способны фокусировать в себе совокупность всех форм духовного освоения субъектом объективной действительности, представляя собой одновременно научную, моральную, художественную и тому подобную, «для нас» существующую достоверность, и в таком виде выступать в качестве компенсатора знания на уровне истины.

В заключении своих рассуждений сделаем краткие выводы. Обобщенная трактовка основного вопроса аксиологии имеет важные следствия. Прежде всего, раскрыв подлинную природу ценностей, можно постичь сущность индивида и его деятельности, осуществить анализ коренных предпосылок человеческого бытия, гармонизировать развитие общества и личности. Это, во-первых.

Во-вторых, социологический аспект изучения ценностей дает возможность осмыслить их в качестве ведущих детерминант поведения субъекта, которые пронизывают его глубинные архетипические основания: потребности, интересы, идеалы, диспозиции и убеждения.

Л и т е р а т у р а

1. **Лапин Н.И.** Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования, 1994, № 5. – С. 3.
2. **Юм Д.** Соч. – М., 1980. В 2-х т., Т. 2. – С. 678.
3. **Столович Л.Н.** Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстет, аксиологии. – М., 1994. – С. 177.
4. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд., Т. 27. – С. 402–403.
5. Ценность // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 765.
6. **Чернякова Н.С.** Ценностная природа истины: Автореф. на соискание ученой степени доктора ... наук. – М., 1995. – С. 6.
7. **Дюркгейм Э.** Ценностные и «реальные» суждения. Социология. – М., 1995. – С. 287, 291, 304.
8. **Дюркгейм Э.** Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. под ред. **В.А. Базарова.** – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
9. **Добреньков В.И., Кравченко А.И.** Фундаментальная социология: в 15 т. Т. I. Теория и методология. – М.: ИНФРА-М, 2003. – ХХII, – С. 57.
10. **Парсонс Т.** Общий обзор // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Изд-во «Прогресс», 1972. – С. 368.
11. **Парсонс Т.** Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. **В.И. Добренькова.** – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 469.
12. **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 83.
13. **Смелзер Н.** Социология. – М.: Феникс, 1994. – С. 51.
14. **Сорокин П.А.** Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 500.
15. **Лукман Т.** О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. – М.: Интеллект, 1998. – С. 56.
16. **Хабермас Ю.** Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Изд-во «Центр Академия», 1995. – С. 85.
17. **Хабермас Ю.** Будущее человеческой природы. Пер с нем. – М.: Изд-во «Весь мир», 2002. – С. 40.
18. **Хабермас Ю.** Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – С. 124
19. Динамика ценностных ориентаций молодежи трансформирующегося общества / Под ред. академика **Е.М. Бабосова.** – Мн.: ИООО, «Современное слово». 2001, – С. 22.
20. **Знанецкий Ф.** Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 62–77.
21. **Гащенко Л.А.** Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества: Моногр. для науч. работников по спец. 22.00.01. Теория методология и история социологии / Л.А. Гащенко. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – С. 18.

22. *Лукман Т.* О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации... – С. 56.
23. *Брожник В.* Марксистская теория оценки. – С. 85.
24. *Бубнова С.С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999., Т. 20. № 5. – С. 40.
25. *Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.; Ручка А.А. Социальные ценности и норма. – Киев, 1976.
26. *Лапин Н.И.* Модернизация базовых потребностей россиян // Социологические исследования, 1996. № 3. – С. 3–23.
27. *Вардомацкий А.П.* Ценностные ориентации // Социологический словарь. – Мн., 1991. – С. 502–504.; См. подробнее: Его же: Ценности социальной группы и личности. – Мн., 1992. – С. 26.
28. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Ценности. Интересы. – М, 1986. – С. 202–203.
29. *Русецкий А.В., Гащенко Л.А.* Ценностные ориентации студенческой молодежи в условиях социальных трансформаций // Социология, 1999. № 2. – С. 36.
30. *Гуцаленко Л.А.* Универсальная природа побудительных сил человека // Философия, человек, культура. – М., 1992. – С. 33.
31. *Леонтьев Д.А.* От социальных ценностей к личным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник МГУ, сер. 1. «Психология», 1996. №4. – С. 35–43; 1997. № 1. – С. 20–27.
32. *Гуцаленко Л.А.* Универсальное развитие человека: предпосылки и перспективы. – Мн.: Университетское, 1988. – С. 148–149.